

18+

Васко Луукконен

Классики ТОЖЕ МОГУТ ОШИБАТЬСЯ

Воспоминания

Васко Луукконен

**Классики тоже могут
ошибаться. Воспоминания**

«Издательские решения»

Луукконен В.

Классики тоже могут ошибаться. Воспоминания / В. Луукконен —
«Издательские решения»,

«Классики тоже могут ошибаться» — ещё одна книга Васко Луукконена, в которой он говорит в стиле мемуарной литературы, и говорит о встречах с известными в Карелии людьми, чьим творчеством без сомнения может гордиться не только наша республика, но и наша страна.

Содержание

К читателю	6
Мои родители	8
На сплаве	10
«Ладога». Девушка на палубе	12
Обретение профессии. «Водолаз»	14
Первая книга	15
Человек — вершина	17
Отчая земля	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Классики тоже могут ошибаться Воспоминания

Васко Луукконен

Редактор Мария Евгеньевна Гусарова

Дизайнер обложки Владимир Ханесович Лукконен

Составитель Мария Евгеньевна Гусарова

© Васко Луукконен, 2026

© Владимир Ханесович Лукконен, дизайн обложки, 2026

© Мария Евгеньевна Гусарова, составитель, 2026

ISBN 978-5-0069-9909-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Есть произведения для взрослых о детях; есть литература для детей, то есть, для детского восприятия. В обоих случаях знание детской психологии необходимо. В первом — взрослый человек наблюдает жизнь ребёнка и пишет об этом. Во втором — он смотрит на окружающий мир глазами ребёнка и описывает происходящее в этом мире от его лица, но пропустив увиденное через призму собственного опыта.

Две этих позиции совершенно разные, но достаточно понять разницу между ними и тогда можно определиться в своей читательской аудитории. Для примера: Марк Твен написал «Тома Сойера» для взрослых или детей? Или у Корнея Чуковского кто основной читатель?

У Александра Солженицына есть некое определение современного детского писателя в романе «Раковый корпус». Дословно не скажу, но припомню диалог отца с дочерью, которая хочет стать писателем.

— А если не получится? — спросил отец.

— Ну, тогда стану детским писателем.

Она считает, что писать для детей проще..., если уж серьёзная литература ей окажется не по плечу.

Александр Исаевич рассмотрел большую проблему среди писателей советского периода и эта проблема до сих пор жива среди пишущей братии. Но не их это беда, плохого писателя за версту видно. Эта проблема исходит от питающих такую литературу источников. Догадаться не сложно, потому не стану их называть.

Детский писатель — явление редкое, даже, уникальное, но детских писателей — море. Парадокс! И потому-то в этом море выплыть по-настоящему хорошему детскому писателю очень и очень сложно.

У истинного детского писателя детская душа. Повзрослев, он остался в детстве и ему легко видеть мир глазами ребёнка. Он знает этот мир, он его не покидал, и он может разговаривать с детьми на их языке. Но вместе с тем он наивен и доверчив, и эти качества, уникальные для писателя, пишущего для детей, в нашем взрослом мире убивают его. Выжить удаётся немногим.

Впрочем, о чём это я?

В этом мире, кажется, трудно выжить не только детским писателям, но и всем без исключения. Таким уж стал наш с вами мир. К сожалению.

Не хочу сказать, что это мемуары. В противном случае здесь можно легко сбиться и окатиться где-нибудь в окопе второй мировой войны, или на всесоюзной стройке Днепрогесса, или, на худой конец, на Колыме, а всего проще перепутать с мемуарами «Дядюшки Римуса», но нет-нет.

Это воспоминания о моей издательской деятельности и о людях, с которыми эта деятельность была связана, а это — писатели, поэты, философы и иной творческий люд, главным образом, уже покинувший этот мир.

Я бы смог описать, конечно, жизнь и деятельность других персонажей, ныне здравствующих, но не буду, потому что они начнут доказывать, что такого в их жизни не было, что всё это я выдумал, и подадут жалобу в суд, и осудят меня за слишком буйную фантазию. Так что, я воздержусь. Не буду испытывать судьбу на прочность, которая и без того трещит по швам и вот-вот развалится.

Я описываю этот, уже ушедший мир, со своим мировоззрением, своим отношением к людям, во многом сделавшим нашу культуру и своим взглядом художника, работавшего для детей.

И это во многом мой мир.

Автор

Мои родители

Отец — Лукконен Ханнес Васильевич (1928—2021г.)

Мама — Лукконен Лилия Васильевна (1929—1999г.)

О своих родителях не хочется писать сухие цифры. Это и так станет известным, уж коли я о них пишу.

Мама — чистая пудожанка. Там и родилась, и помнила всех своих родственников. И я их помню всех: тётушки — певуны; один из дядьёв, Виктор — гармонист; дед Василий воевал, но был в конце войны репрессирован и на десятку угодил в лагерь «без права переписки». Там и сгинул и никто не знает, где. Его имени нет даже на деревенском обелиске павших воинов. Значит, не реабилитирован.

Моя бабушка Дуся растила одна шестерых детей. Я её хорошо помню. Помню, как нянчила она меня, когда мне едва годик стукнул, но 100-граммовую гирику я уже прекрасно держал в руке. Бабуля притомилась, прилегла отдохнуть, я её этой гирикой и потревожил: «Бабуля, не спи! Кто меня нянчить будет!?» Правда, в том возрасте я ещё не говорил. Померла она в 1978 году. Меня не отпустили на похороны, я служил в армии. Говорят: «Был бы близкий родственник, тогда — другое дело, а так, служи и не о чём не думай. Не твоё». Матушка отчитала меня за то, что я даже телеграмму с соболезнованием не послал. Не догадалась она, что для меня это была первая смерть родного человека, и что с этим делать в 19 лет парень мог и не знать. И спросить совета не у кого. Кругом чужие люди.

Мама была добрым, хлебосольным человеком. Любила гостей. Бывало, соберёт стол: и калитки здесь, и рыбники — объедение! Нас, пацанов, к общему столу не допускали, у нас был свой отдельный стол, а за общим — радость и веселье. Гармонь, песни. Словом, одни положительные эмоции. Я до сих пор не могу забыть это время и снова сел бы за этот стол, но, увы.

Мама держала нас в строгости, но без перебора. Я не помню с её стороны какого-то негатива, а если что-то и было, то это быстро забывалось, не оставляя следа. Была она очень внимательной к нашим проблемам, а они случались, хотя, зачастую мы не ставили её в известность. Берегли. Держала сторону отца во всём. Отец был пришлым человеком не только в мамином роду, но и в пудожском крае. Прижился, освоился. И конечно, благодаря маме, которая ценила его за качество, способное это ценить. Она приняла его сторону ещё и за то, что он оказался в бытность их знакомства в конце 40-ых сиротой, потерявшим всю семью и весь свой род. Разделила его судьбу, а впоследствии, когда в конце концов его семья нашлась, вошла в неё. Но этот период я уже застал.

Однажды, когда я уже стал взрослым, спросил у неё:

— Мама, ты не обижаешься за то, что я всё об отце расспрашиваю и о его родне?

На что она мне ответила:

— Нет, не обижаюсь. И даже рада этому, потому что отец многое пережил и, хоть, один сын интересуется его семьёй. Он не говорит об этом, но я-то знаю, как он рад за тебя.

Вот так вскользь, мы узнаём о своих родителях подчас, очень сокровенные вещи.

Говорить об отце уже как-то неактуально. О его родителях, я пишу в книге «Эхо над ягелем», и эта книга разошлась по России, и не потому, что кому-то интересна судьба чьего-то рода, а потому что в ней затронута история Карелии. Об отце я многое узнал от финских родственников, хотя, он не был финном. Как не был финном и его отец Васко Луукконен, не был и дед Васселей. Они пришли сюда в 15 веке, в 1640-ом году и основали на севере Карелии деревню Рёхё, но финнами не были. Об этом говорит их фамилия: Luukko — это норка мелкого

зверька, что означает карельское происхождение рода. Уже мой дед утратил в фамилии одну букву, в результате получилась финская — Lukkonen (замок). Но это сложно понять русскому читателю, не знающему финского языка.

Родом отец из деревни Регозеро (Рёхё). В 1944 году деревню сожгли, не думаю, что это сделали финские войска. Они там стояли до 44 года. Отец был эвакуирован в Архангельскую область вместе с мамой Дарьей Филипповной и младшей сестрой Верой. Бабушка там и умерла, неизвестно, где и упокоилась. А отца ветер занёс в Подпорожье, где он прожил всю жизнь, найдя своих родных только через пятнадцать лет. Но как он был рад! Всегда поддерживал с ними связь, приезжал на родину чуть ли не ежегодно. Так и меня свёл с ними.

Я не буду подробно останавливаться на отцовских родственниках, скажу лишь, что старшие мои тётушки практически не знали русского языка и говорили или на финском, но чаще на собственно-карельском диалекте. То есть, на родном языке.

Как-то раз я услышал, как мама рассказывала своим сёстрам, как она съездила с отцом в Калевалу:

— Они там и по-русски не говорят, всё по-карельски. Отец заметил, что я ничего не понимаю, сказал им. Так стали — по-русски, а сами смеются.

Дело в том, что отец — единственный мужчина, что остался в роду. У деда Василия (Васко) было четыре дочери и один сын. Так что, родня его ценила. Ценила и маму, и было за что.

Сам же я в Калевалу навещаю с 1980 года. Бывал в Войнице и в Регозере. А вот мои братья там не были никогда.

На сплаве

Два летних месяца мы, пацаны, работали на сплаве. Не потому, что нас родители нуждали, а потому, что сидеть без дела ещё хуже. Мы не в Крыму. Я работал, а деньги, мою зарплату, получала мама — хозяйке виднее, куда деньги потратить, но на мелкие нужды она выдавала, сколько не попрошу. Вот так я купил гитару, сшил брюки и жилет по последней моде.

Работали мы с отцом в одну смену: неделю — в первую, неделю — во вторую. В первую — это когда солнце только-только встаёт из-за леса и мы, работяги, следом за ним. Где-то в 9 утра идём на обед, потом поспим чутка, и опять работа до часу дня. А тут и пересменка. Мне нравились обе смены, хотя, во вторую уже не до танцев было. Ну, да ладно, всё равно весело было.

Дел в посёлке в этот период — немеряно. Пришлые студенты из лестеха и стройотряда не понимали объединяющего фактора и не знали друг друга. Каждый сезон новые, незнакомые с местными традициями, но стремившиеся сразу переломить ситуацию в свою пользу. Мы их учили. Сначала одних, затем других, давая понять, что с нами лучше дружить. Нас было меньше, но мы знали друг друга, и знали, кто чего стоит. Кроме того, дома и стены помогают. В первые недели их пребывания всё становилось на свои места. Местные мужики в наши разборки не вмешивались.

Дмитрий Вересов описывал свой стройотряд где-то в пудожском районе совершенно иначе. По его словам, они строили не только коровник, но и местных пацанов:

— Эх, Дима, не в том месте ты коровник воздвигал!

Другими словами, сочинил писатель о своих студенческих подвигах. Не знал он, что где-то в это же время, в том же районе проводится разъяснительная работа с альма-матер. Точно не знал: он учился в универе, а я — в ГПТУ№7, да и был он в те годы моложе меня. Это я уже позже выяснил.

Весёлое время было.

Работал я в один сезон на «двориках». Это когда из сплошной «щётки» выдёргиваются нужные по габаритам лесины: баланс или пиловочник. И был у меня в напарниках некто Коля Лукин, и этот Коля плохо говорил. Не выговаривал многих букв. Я у него любил спрашивать:

— Коля, каких грибов-то вчера собрал?

Добродушный Коля отвечает:

— Подотиновики, волнутьки, серутьки. А тьто?

— Да, так, — говорю, — Интересно.

На следующий день снова спрашиваю:

— Коля, ты вчера, говорят, в лес ходил. Что там есть-то?

Коля слегка затормозил:

— Да, тьто там? Грибы еть: подотиновики, волнутьки, серутьки. А тьто?

— Так, любопытно.

Пару дней даю фору, и снова тот же вопрос, но с вариациями:

— Я слышал, ты в лес ходил.

— Ну?

— Чё там есть-то? Ты, говорят, много грибов собрал.

Коля наивен невероятно. Это меня и забавляло.

— Да, — вторит Коля. — И волнутьки еть, и серутьки, и подотиновики тоде еть.

Отступаю ещё на несколько дней:

— В лесу сушь такая, а ты там что-то нашёл.

И Коля уже в который раз мне рассказал о волнушках и серушках. И здесь я не выдержал, захохотал. До Коли, наконец, стало доходить значение моих настойчивых вопросов о грибах, и, когда на следующий день я снова задал этот вопрос, Коля вскипел и бросился на меня с багром. Но я ожидал этой реакции и потому быстро ретировался на другую сторону «дворика». Он — за мной. Но, к моему счастью, с его головы слетела кепка, он, конечно, затормозил, остановился, а как иначе кепку-то поднять? Кепка сама не подпрыгнет, надо наклониться, чтобы поднять её. На «балансе» это невозможно сделать, просто нереально, но Коля помимо прочего ещё и туповат был. Я ржу, не могу, а Коля вместе с кепкой тью-тью. Пришлось вытаскивать. С тех пор он как услышит о грибах, так бледнеет!

В последний сезон я работал «на подаче», мне уже 18 исполнилось. Сопливых туда не допускали по инструкции, мало ли что. Всё то же самое, только багро более мощное. На «двориках» — лёгкие, просто детские, на «щётке» — помощнее, усилия другие. «На подаче» совсем мрак, приходилось лес растаскивать, чтобы в «щётку» вогнать, рвали жилы. И багра мощные. А что? Багро, как ручка перьевая, по назначению. Но руки от таких «ручек» отваливались к концу смены.

Молодость есть молодость, и как-то раз я прогулял до первых петухов. Домой вернулся, а отец уже на пороге — первая смена. Я только переоделся и — бегом. А солнышко светит, бока пригревает и... проснулся я уже под водой. Сразу сообразил, что надо перевернуться пока воздух в лёгких есть, и найти просвет. Ведь куда-то я нырнул вслед за багром. Вскочил, а тут и мужики подхватили, смеются:

— Беги домой, — хохочут. — Переоденься. Ныряльщик.

Потом балагурили надо мной. Да, ладно, мужики-то свои. Пусть балагурят, лишь бы отцу не говорили.

«Ладога». Девушка на палубе

Самым примечательным с 20-ых годов и до 90-ых прошлого века в пудожской жизни являлась навигация. Мы жили на берегу полноводной реки Водлы. Выше по течению начинались пороги и, конечно, там судоходства не было. Так что, Подпорожье — это рубеж огромной сплавной реки.

Нет, пожалуй, ни одного пудожанина, кто, хотя бы, один раз не ходил на теплоходе «Ладога» в те годы. С открытием навигации «Ладога» ходила раз в сутки от порта в Петрозаводске до Подпорожья. Теплоход — двухпалубный, комфортабельный, с каютами 1-го, 2-го и 3-го класса. На борту имелись два ресторана 1-го и 2-го класса, что повышало статус простого сплавщика, позволявшего себе такие привилегии.

Пассажиры, не суетясь, покупали билеты на допустимую для их кошельков сумму, и не переживая!!!ехали в свою сторону. Правда, если они ехали в сторону Пудожя, им приходилось поволноваться в конце пути, так как, автобуса могло и не быть. Но это редко случалось. В сторону Петрозаводска, как здесь говорили «за бочагу» — красота, никаких проблем.

Теплоход «Ладога», это масса впечатлений. На его борту за время следования, а это 7 часов хода, случалось всё: и любовь, и разочарования, и новые встречи, и шумные скандалы и даже потасовки.

— Пусть он лучше храпит, — говорит женщина, когда я, устав от портвейна, вдруг захрапел на второй полке третьего класса. — Проспится, может, поспокойнее будет?

Мудрое решение! Проснувшись, я даже не вспомнил, о чём говорил, и кто эта милая женщина.

Ездили мы, как правило, ватагами, но случалось и по одному.

Толкает меня какой-то парень на последней стоянке в Шале. Я уже предался сну. Разбудил:

— Твои часы? — спрашивает и показывает на мои часы.

— А чьи же? Раз у меня на руке.

— Дай померять.

— Возвращать придётся, — говорю. — Зима скоро.

— А при чём здесь зима? — не понял парень.

— А при том, что зимой я тебе объяснять буду, что чужие вещи брать нехорошо, даже, если они плохо лежат. Ты, наверное, в Пудоже учишься?

— В Пудож, — отчего-то забеспокоился парень.

— А я в Подпорожье.

— Да, ладно, ладно, я пошутил, — ретировался несостоявшийся грабитель.

Он, конечно, не знал, что с пудожанами мы установили дипломатические отношения, и поддерживали друг друга. И, тем не менее, с шальскими мы постоянно враждовали, и если случалось, что их на борту больше, чем нас, то потасовка была неизбежной.

Однажды мы схлестнулись с ними на второй палубе. Здесь, в узких проходах, негде было развернуться, к тому же, в помощь шальским подоспела свободная от вахты команда с теплохода. Ватага была не слабой.

Но кто-то схватил меня сзади за ворот и втащил в каюту, принадлежащую команде.

Я офонарел! Передо мной стояла девушка. Она указала мне на рундук и сказала:

— Сегодня не твой день. Хочешь чаю?

Я не знал, что делать.

— Скоро уже подойдёт. Если хочешь, ложись, отдохни. Я здесь побуду.

Спорить я не стал, а залёг на предложенное место, а вскоре она меня разбудила:

— Просыпайся. Мы уже стоим в порту. Выйдешь через грузовой.

Так я избежал разборок с милицией. Эту девушку я позже встречал много раз. Она всегда была одна, и всегда стояла у окон второй палубы. К ней я так и не решился подойти, чтобы поблагодарить, а помню до сих пор. Вот имени её не спросил. Жаль.

Но у меня была своя девушка Аннушка из столовой сплавной конторы, которая обещала ждать меня из армии. И, ведь, дождалась. Но это я уж оставлю при себе.

Обретение профессии. «Водолаз»

После того, как я не смог продолжить учёбу в строительном техникуме, матушка перевела меня в ГПТУ№7.

— Всё равно ваш мальчик не сможет здесь учиться и пока ещё есть время, переведите его куда-нибудь, — сказал директор техникума и вручил ей мои документы.

Так я стал учиться на сварщика, если, конечно, это можно назвать учёбой, так как я не посещал занятий, а болтался где-то, коротая время.

Меня подобрал Владимир Николаевич Мельников. Скользящий тип по кличке «Водолаз» (сейчас в войсках — это стало называться «позывным»). Он с Ревичем, директором хобзайки, мастрячил «давлёнки», гордо называя это чеканкой. Тогда, в середине 70-х, в народе было странное поветрие на подобные штуковины, а «Водолаз» «держал нос по ветру» и уговорил меня делать предварительные рисунки к этим самым «давлёнкам». Давал за рисунок по рублю. Но я не был фанатом его творчества, потому ему приходилось подолгу ожидать очередной картинки.

Я был свободен от всего, благодаря этой учёбе. На занятия практически не ходил, пропадал месяцами у друзей на улице Советской. Моей целью было как-нибудь проваландаться до армии, а там видно будет, то есть, мысли о каком-то образовании в принципе не существовало, растворилось в туманной пелене ожидания сигнала «на старт».

Так всё и произошло.

В армии мои мозги встали на место. Наконец, я понял, чем займусь в первую очередь, вернувшись со службы. Но не всё так просто. Я начал своё движение вперёд поэтапно, поступив, прежде всего, в вечернюю школу, чтобы получить среднее образование. Параллельно изучал основы искусства, посещал выставки, чего мне так не хватало в детстве.

В этот период я увлёкся искусством карикатуры и этот жанр не покидал меня до тех пор, пока существовали газеты. Потом интерес угас, оно и понятно. Мы подружились с Дмитрием Москиным и, даже, организовали первую и единственную в Карелии выставку карикатуры, проходившую в фойе кинотеатра «Калевала» в 1983 году.

Снова появился «Водолаз». Он как будто подстерегал меня, но в его сети я не пошёл. Отбил. Ненадолго, правда. Я искал работу, а он предложил место в рекламном участке Мин. быта, где он был начальником. И мне повезло! Здесь я встретил хорошую компанию единомышленников, среди которых оказались Н. Трухин и А. Яковлев. Они на тот момент уже были профессиональными художниками, и я не преминул этим воспользоваться.

Наконец, я стал обучаться, постоянно спрашивая советов у коллег. Сюда же наведывались и другие художники, как например: Аркадий Морозов.

Мельников, наконец, от меня отстал, поняв, что нам с ним не по пути. В конце концов, его уволили за какие-то тёмные дела. Но я остался.

Вероятно, во мне сидел дух авантюризма, потому что я предлагал коллегам, которые всё дальше отходили от своей профессии, углубляясь в халтуру, какие-то идеи к возрождению их истинного начала. Мы, стали рисовать натюрморты и портреты. К нам подключилась наша начальница, которая снабжала нас натурщицами, но это быстро прошло. Мы уставали, кроме того, у каждого были свои дела. И тогда я стал посещать студию при союзе художников, там и познакомился с Львом Николаевичем Дектярёвым. Это стало переломным моментом в моей карьере книжного графика.

Первая книга

Виола Генриховна Мальми (1932—2010)

Хореограф и балетмейстер. Заслуженный работник культуры Карельской АССР, Заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат Государственной премии Республики Карелия, Почётный гражданин Республики Карелия.

В 1985 году Лев Дектярёв пригласил меня в издательство «Карелия», что называется, для пробы. Я и Николая Трухина подтянул, и мы стали делать обложки для книг. Но это чуть раньше было, а тогда Ирина Карт решила испытать мои творческие возможности, поручив мне целую книгу. Ей нужен был местный кадр, да и понятно: молодая, амбиционная дама хотела сказать своё слово в полиграфическом мире посредством молодого, никому неизвестного художника. Так сказать, воспитать его на свой манер. Я понял это всё значительно позднее, но тогда, возомнив нечто, пошёл на этот рискованный эксперимент. Ирина рисковала не меньше, избрав в качестве автора книги Виолу Мальми. Уж, как она её убедила, не знаю, но я, как художник, был очень слаб и не был готов к такой работе. Но мы подписали издательский договор, и я отправился в путь по «тонкому льду». Ходили по тонкому льду? Зная при этом, что лёд слабый и может вас не выдержать, а под вами бездна. Я это чувствовал, потому что ходил по такому льду, и всё-таки рискнул.

— Я написала телефон Виолы Генриховны, позвони ей. Обсудите детали. Она просила — сказала Ирина напоследок, и я на несколько месяцев ушёл в работу.

Виолу Мальми я давно знал. Ну, как не знать? Но увидел её впервые. Она держалась со мной напряжённо, и мне казался в её взгляде вопрос: другого художника в издательстве не нашлось что ли? Тем не менее, вела себя тактично, а в конце нашей беседы, когда все вопросы были решены, угостила меня кофе с оладьями. Конечно, я понимал её недоверие ко мне, как понимал и то, что она могла завернуть мою кандидатуру прямо «в зародыше», но не сделала этого, тем самым, дав мне шанс утвердиться в профессии.

Я пахал, как проклятый. Уже подготовленный макет книги я сам не одобрил, а вновь начал с нуля, делая эскизы иллюстраций заново. Здесь же была куча заставок, концовок, несколько шмуцтитолов, и всё это нужно было создать в одном стиле.

Много раз я приходил в издательство, показывая то, что сделал. Ира Карт терпеливо слушала и отправляла назад, но делала она это очень аккуратно. Было видно, что она ведёт молодого и неопытного художника.

Только обложку я переделал 16 раз.

Наконец, через шесть месяцев, книгу сдали в производство. Она удалась, не смотря на мои страхи. И. Карт была довольна, что не ошиблась во мне, и мы продолжили сотрудничество с издательством на несколько лет.

Виола Мальми также была довольна первым моим опытом и впоследствии предложила мне поработать над книгой Хельми Мальми «Маленький хоровод».

Годы спустя, она неожиданно позвонила:

— Володя, это Виола Мальми. Мне книжечку твою подарили.

— Какую книжечку? — растерялся я.

— Один номер твоего журнала «Рекс», где опубликована первая часть «Куллерво». Очень своевременно.

— Да, да, — стал я копать в памяти. — Это материал по версии Армаса Мишина. В его переводе.

— Вот и я говорю, своевременная вещь. Для подростков. Я надеюсь, что ты создашь отдельную книгу по этой теме. Я бы хотела её видеть.

— Да, Виола Генриховна, есть такие планы.

Но Виоле Мальми не суждено было увидеть эту книгу. Вскоре после нашего разговора её не стало, а книга увидела свет в 2012 году в переводе на ливвиковский диалект карельского языка Ольги Фёдоровны Мишиной.

Человек — вершина

Армас Иосифович Мишин (1935—2018)

Карельский писатель, поэт, переводчик,

Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

Заслуженный работник культуры Карельской АССР,

Народный писатель Республики Карелия.

Армас Иосифович был моим близким приятелем. Но не всё было так безоблачно в начале наших дружеских отношений.

Где-то в середине 80-ых мы с ним познакомились, тогда он относился ко мне недружелюбно, даже с некоторым неприятием. Но я и не набивался к нему в друзья. О нём я знал и раньше, но поближе мы сошлись, когда открылся журнал «Кипиня» и он с ним сотрудничал, более того — был членом редколлегии.

Когда, в 1992 году, я предложил журналу для публикации свою версию «Калевалы» в комиксах, он воспротивился, и если бы не вмешательство Яакко Ругоева, то ничего бы и не вышло. Но Ругоев настоял, и, даже, поручил Тертту Викстрём сделать перевод на финский язык, так как, я писал на русском. Так же Яакко Васильевич снабдил меня запиской в национальный музей (тогда это был краеведческий музей и находился он в здании храма Александра Невского) для сбора визуальной информации. Писатель, как мне сейчас кажется, спустя столько времени, видел во мне некий творческий потенциал, но, к сожалению, я смотрел в другую сторону. Свою «Калевалу» я так и не закончил, тяжело и надолго заболел, а там и Ругоева не стало.

Но был Армас Иосифович, который в середине девяностых очень восторженно отнёсся к публикации книги комиксов на русском языке финского художника Кристиана Хуйтолы по мотивам всё той же «Калевалы».

— Как же так, Армас Иосифович? Почему же моя версия, вам не понравилась? — спросил я.

Ответ был настолько завуалированным, что мне долго пришлось над ним ломать голову. Примерно такой:

— Не всякому художнику подвластны вершины искусства, тем более в такой теме.

Другими словами:

— Всяк сверчок знай свой шесток.

Позже мы познакомились с Кристианом и общались с ним. Он очень высоко ценил моё искусство книжной иллюстрации.

А наши отношения с Армасом Мишиным всё более и более становились дружественными. Он любил пошутить и относился с пониманием к шуткам в свой адрес. Запомнился случай, когда мы ехали большим коллективом в Калевалу на «Ругоевские чтения». Всю дорогу Пааво Леонтьев балагурил с Мишиным. Мы смеялись до слёз. С тех пор к Армасу Иосифовичу прилипло прозвище «Человек в шляпе и пальто», подозреваю, что автором являлся Пааво Леонтьев, чьи шутки были просто убийными, но безобидными.

Позже, уже в 2008 году, мы стали плотно работать над монооперами по мотивам «Калевалы», куда входили: либретто — А. Мишина, музыка — Е.А.Шорохова, художником выступил ваш покорный слуга. Всего за несколько лет мы создали четыре монооперы.

Армас Иосифович обладал и такой человеческой редкостью, как сострадание. Когда меня уволили из «Периодики», я перебивался малыми приработками и, если откровенно не голодал, то жил на хлебе и воде.

Как-то раз позвонил мне Армас Иосифович и попросил зайти в юношескую библиотеку:

— Там для тебя посылка. Забери.

Я пошёл, конечно же, и обнаружил в картонной коробке продуктовый набор, собранный для меня четой Мишиных: Армасом Иосифовичом и Ольгой Фёдоровной. Это был бесценный жест двух пожилых людей, желающих поддержать меня. Такое не забывается, как не забывается и то, что к моему юбилею, в дни персональной выставки, Армас Иосифович преподнёс мне, по, сути, царский подарок — книгу с посвящением:

Владимиру Луукконену

«...Высотой горной той, до конца родимую,

«Калевала» Лённрота стала для Владимира...»

(Армас Мишин, 6 апреля 2009г.)

Отчая земля

Павел Романович Леонтьев (1938 -2015)

Писатель, журналист, переводчик.

Отчая земля — это, как любимая женщина, это, как мать: она ждёт, когда её пожалуют, когда приласкают, чтобы она воспряла духом, расправила плечи, заплела свои косы и пошла лёгкой поступью к вам навстречу. Она обнимет вас, прошепчет ласковое слово: лёгким ли дуновением июльского ветра, шелестом ли разнотравья или, прожурчит тенистым лесным ручьём. Она вас встретит лаской, добротой и любовью, потому что это родная земля. Иначе она не умеет.

Такие мысли, думается мне, приходили на ум и Павлу Романовичу, неспроста же он обошёл все регозерские пустоши в поисках своей «оленьей тропы», и не зря же он возвращался и возвращался к утраченной однажды родной стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.